

Кирилл Баянов

*The way
of Kawana*

Кирилл Баянов
The way of Kawana

«Издательские решения»

Баянов К.

The way of Kawana / К. Баянов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506473-8

Путь Каваны — это изменение, движение и вечность. Это о временах, когда ты один и никто не знает об этом. Когда хрупкая, ломкая иллюзия получает трещину, и нет никого рядом, кто бы сказал: «Не вешай носа, держи спину прямо. Все получится». Это философия жизни, нежности и мужества, смысла одиночества. Путь Каваны — это большое послание и слово. Одиночество, что способно вызывать признание. В большом городе, где запутаны судьбы и переплетены дороги, жизнь и смерть, смысл и чудо легкой эстетики. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-506473-8

© Баянов К.

© Издательские решения

Содержание

Кирилл Баянов	6
The way of Kawana	7
Тишина	8
Alleluia	12
Drive, driven	14
Марта	17
В Кайфе	19
Когда приходит весна	21
Backing home	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

The way of Kawana

Кирилл Баянов

© Кирилл Баянов, 2019

ISBN 978-5-0050-6473-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кирилл Баянов

книга 1

The way of Kawana

Моей подруге, Adelayo Adedayo, посвящается...

Тишина

Я иду на кухню и делаю себе кофе. Время течет медленно. И на часах застыло без двадцати два. Ночь сегодня душная. Воздух пропитан интенциями свободы, в ней плавают странные знаки мне непонятных этей. И если вы однажды не ощущали этого, хотя бы раз вас могло тронуть путешествие, в котором нет нужды путешествовать куда-либо. Нет нужды шагать или ехать. Оно приходит в дом само и уходит лишь только вы уснете.

Индейцы говорят, что мир раньше был громадной библиотекой, а я сажусь за стол. В темноте мне светит ночник и напольная лампа. Кофе одуряет своим ароматом, и я думаю, что сегодня в самый раз подумать о чем-то большем. В моем распоряжении весь поздний вечер и тихая ночь. Сегодня плавно переходит в завтра, и время течет незаметно. Его тиканье лишь слегка заметно в ритме эрфикс и буйстве листвы вокруг моего стола.

Чехарда больших городов. Так часто трогает нас. Мигает таблоид; текут минуты; и новый флер рекламы – унылые спутники вечно торопящегося ритма больших городов. Начинается ночь, и мой паркер лишь отчасти может сказать мне, что среди недоеденных булок, есть место для малых. Будучи их вечным жителем, не замечаешь совсем неприметных и развенчанных на обочине жизни. Я задумываюсь об этом, и это странно. Ведь – всего лишь беседую сам с собой. Но что-то говорит мне, будто в этом скрыта чудесная воля, а краткость форм не всегда хороша. Стоит подумать о большем, чем писать сводку аналитики в вечно стремящемся за пределы времени, меняющемся, бегущем мире, настолько скоро и быстротечно, что десятки лет теряются в них, как один день.

Индейцы говорят, что если верить разуму, можно услышать гимн логики, но услышать свое сердце так же трудно, как различить писк комара в девяти милях от бивуака.

Будет не так жарко сказали по радио, но все, что есть сейчас у меня это горячий кофе и жара в сорок градусов. Стальная линейка отражает дым, поднимающийся от моих сигарет, и только то неразумное, случайное существо, сплошь состоящее из случайностей и несправедливо подающее успех и радость, которое зовут богом, знает, когда рассеется этот дым. Небо над городом полное звезд заволкли облака и кажется, что случайно в этом месте на уголке дома, в перепруженной автомобилями улице уснула кочующая тишина.

В этом городе слишком многое покажется вам странным, но самое странное в нем – люди, успевшие отвыкнуть от спокойствия и теплоты, полные деловой хватки и падкие на скорое слово, вмещающие тишине старых правил гомон уличных зазывал, лихорадку наживы и механику структурированных машин, без чувств, без эмоций, без слов, а только жесткая политика в скудных рамках глухо-немой толпы.

Мой кофе остывает понемногу, но сегодня он особенно свеж и бодр. А если добавить Irish cream и мороженное с перцем к водке, то наша беседа приобретет краски необычайной ночи. И если так, если все это есть, останьтесь со мной ненадолго. Мои мысли снуют в абберациях скупых культур и народов. В них не осталось величия, как пропадает оно с мечтой. И если так, то сколько еще открытий осталось на судьбу забытых, сильных и слабых мира сего? Все было сказано, и все забыто. Ты ходишь по кругу, словно по выложенным камнями пиктограммам, и только морок знает, где ночевало вчера. Время пустых городов – бремя напряженных и летящих вдаль мостовых. Everything, what was, was written before.

Танец больших городов, страсть и шум мегаполисов, безумная карусель сиюминутной канвы – то, что оставили нам в наследство наши предки. Можно ли было себе представить тогда, что начнется стоккато стремительной жизни, миллионов авто, метро и тонны стеклобетонных мешков, свечи высоток, сверкающих сталью, меркло поблескивающих лэд-люминесценцией, тысячи тысяч маленьких уголков за стеклом небоскребов, – все это произойдет?

Раньше мир был библиотекой, а не тоннами бесплотной, лишенной материи инфраструктуры. Ломящей полки серверов в общественных сетях, на самых нижних этажах КНУК и OPDS.

Раньше все познавалось впервые. Теперь мир стал отягощен индустриальной машиной, технологиями, нано и новой эпохи. Интерпретационной техникой и достижениями НТП. В эту эпоху сложно оставить свои гаджеты нетронутыми, сложно оставаться самим собой, не потерять связь откуда пришло наследство, найти корни и жить с ними в ладу. Странно об этом думать. Ведь мы уже живем в железобетонном царстве машинного масла и в фэшн-полайт плэйс, месте, где битум асфальтов и тротуары заменили красоту форм и природу, офисные кабинеты корпоративных студий – деревья и автохтоны. Саванны и пампы – кластеры межнациональных корпораций. *But I still love you like a bullet love a gun*, мой мегаполис!

Сколь прекрасен ты ночью. И нет другого пейзажа желанней таблоидов и ночных огней.

Говорят, раньше мир был библиотекой. Он и сейчас таков. Изменилась лишь внешность. Поменялся антураж, стал новым дизайн, методы и принципы стали иными, *but Juda went back to the Nazareth*,

Everything was like before
And the pharaohs killed the first born son
Good lord Jesus Christ went back to his whore
The whore went back to Babylon

Ничего фактически не изменилось, за исключением того, что воздух стал менее плотным, динозавры вымерли, миллионы айдл девиц делают селфи и выкладывают в инстаграм, дышать мы стали окто-числом, дизелем, а рыба плавает вместе с дельфинами, касатками и пингвинами в нефти с мазутом, поклонение восьмицилиндровых и порока – икона нынешнего века. Незанятая молодежь и живущие на подарки с Рублевки и Беверли Хиллс Бэтти Пэйдж и альфонсо Пэр Голуаз подражают своим героям 90х с разворотов постеров и уличной жизни, делая селфи еще ярче и оригинальней не только девиц, но и дам, пользующихся услугами «позвони мне, позвони». Ничего не изменилось в этом мире за последние 80 лет, за исключением библиотеки, которой стала *The Juda Christ*. *But я по-прежнему, все равно love you*, мой мегаполис, *like a bullet loves a gun. Love is as good as soma*,

I wanna crush all bones in you
Cause I've got nothing better to you
Well, I'm no son of Aquarius
I think the world is too small for both of us

Hug me till you drug me, honey
Kiss me till I'm in a coma.
Hug me, honey, snuggly bunny,
Love is as good as soma.

And your friends and all your sisters too
Let the world spin like the lovers do

Полезно вдруг прислушаться к тишине. Это тоже своего рода библиотека. И если кто-то скажет, что она пустой звук вентилятора в кондиционере на углу дома, то я нисколько не обижусь, потому что пустой звук в кондиционере на углу дома в магазине 24 часа в сутки или K-Mart, ничем не отличается от тишины в прериях и саванне кечуа, – курящих трубку, запроки-

дивая головы в трансцендентальном акте метафизических перемен. Вкус и цвет тишины от кондиционера тот же. Его познание и опыт никак не изменился в отличие от опыта предков. Его пустота, такая же, как пустота Нансена или Бодхидхармы. Медитируйте чаще. Благо тонны бетоностекла позволяют это делать в любое удобное время. И если мир вам покажется ничтожным, безвкусным, однообразным и лишенным всяких знаний, вспомните о тихой ночи, белом шуме автомобиля, доносящем отголоски шоссе, сверчков и трепет кондиционера. Вкус этой ночи – вкус пустого одиночества в заваленных товарами на витринах магазина, оставшегося открытым до зари, и с зорей напряженным случайными клиентами. Вкус этой ночи, вкус лета, оставшегося на потом, забытых талонов на фитнес и авиабилетов в Боду. Вкус пустой ночи и пустых звезд. Забудьте о кондиционере. Пора закурить сигарету и выпить чачи из черепов ваших врагов. Сделать амулеты на удачу и флейты из костей директоров. В этой таинственной тишине, притаившейся на углу забытого и покинутого магазина, есть много того, что по вкусу многим. Зайдите в нее и расположитесь, примите опыт метафизических сверчков.

Цикады поют не хуже. И в этой тишине они играют вам целый оркестр. Оперу забытых флейт и дымящихся на пепельнице сигарет. В это время открывается канал от непознанного через маленький мост на берегу Венны и Роны, где по стечению обстоятельств пьют кофе из пластиковых стаканчиков ваши друзья, из-за того, что вы забыли им позвонить. Вспомните о Нансене и вслушайтесь в пение железнодорожных путей. Там жутко трясло в 80х, за исключением Нью-Йорк Метрополитен и Сайтама. Сколько пользы принесла вам тишина из библиотеки в дефилировании по ночным улицам. В это невозможно поверить. И все из-за каких-то паршивых авиабилетов, талонов в фитнес клуб и потушенной сигареты. Остается надеяться, что 24 часа в сутки в следующий раз, забегаловка K-Mart или Магнит будет открыт, и тишина принесет вам сонную девушку, наполняющую сонный стаканчик полимера сонным кофе в два после полуночи, где можно поговорить о Нансене, Бодхидхарме, Ганде, Чегеваре и библиотеке, которой был раньше этот мир, до той минуты, когда опустится тишина, нарушаемая в зале лишь шуршащим пением кондиционера. Мир не изменился. Изменилась библиотека. И если вы потерялись в ней, забыв об идентификации, вас легко приведет в норму стаканчик кофе и тишина в K-Mart, полном безлюдной эйфории от безумного танца в ритмах больших городов, страсти мегаполисов и чехарде вечно бегущей суеты.

Забывайте билеты в Боду, Нью-Йорк и Рону, забывайте талоны и стремительную дрему в метрополитене вечной регаты, не отпускающей вас мечты. Забывайте о пустых, ненужных потемках, забывайте о пустых и никчемных мыслях, о суете и о работе. Хоть иногда. Тогда вы неожиданно поймете, что мир прекрасен, хоть в нем есть много Боду, селфи и потемок. В нем есть тишина ветра и боры, к которой прислушиваются дети, забытые, сильные и слабые мира сего. Вкус и цвет молчания тот же.

Говорят, много пустых людей пустующих в пустоте прошлого, настоящего и будущего, не отпускают его. Но если так, то, что же отпускает нас в дрему и сон; что есть то, что доставляет спокойствие и тишину? Ту, где можно отпустить все и расстаться с настоящим, прошлым и будущим. Если вы не задумывались об этом, задумайтесь о тишине. В ней вам будет легко вернуться туда, где вы оставили свои драгоценности. И если вы не задумывались над этим хотя бы раз за все свои сорок лет, вы плохо слушаете, вы плохо думаете, и вы не слышите ветра...

Если вы задумываетесь над этим только сейчас, ветер гуляет в вашей библиотеке. Ветер кормит ваших врагов и бывает там, где вы забыли флейты из костей и перьев ваших чаяний и надежд. Он там потому, что вам хочется быть везде, всюду и включать телевизор дома как фон. Пусть так, это не смертельно. Задумайтесь над этим. Ведь все, что нужно, прислушаться. И тишина вам ответит...

Мой кофе совсем скис и остывает в остатке. Я иду и готовлю еще. Пока он греется на плите, тысячи дорог, виденных мною, пробегают перед глазами и я понимаю, что сегодняш-

ней ночью, библиотека, которая стала бездушной машиной, тоже иногда хочет видеть за рулем человека.

Дорога без конца стоит перед моими глазами, и если в этой библиотеке есть тишина, то она должна быть такой же как за рулем, в бесконечной поездке, с перерывами на фастфуд, краткое мгновение ценнейших моментов и мягкий сон в полумгле мотеля.

Интенции прошлого, настоящего для меня ничего не значат. И хотя я все еще принимаю их во внимание, многое уже для меня позади. Я пью кофе и думаю: «Как же хороша эта ночь». И в ней ничего не хочется менять.

Alleluia

Тихий шорох шин, шепот работающих двигателей, фосфор габаритных огней. Этот город становится колыбелью пустой жизни пустых людей.

Я размешиваю кофе в кружке. По потолку неспешно ползут огни, а запах трав преследует меня. И хотя уже начало зимы, в воздухе по-прежнему чувствуется запах лета, и я погружаюсь в серую ночь, расцвеченную фарами автомашин. Зажигаются фонари и кажется, что тени ползут отовсюду. Моя сигарета медленно тлеет во мгле, а тонкий дым почти не заметен в пахнущей акациями и кустами жасмина ночной тишине.

В свет мелькающих фар и монохромную игру фонарей уносит меня вдаль маршрутное такси. Там игра ночных теней и радужный вальс люминесцентных огней. Под столбами пыльного света и битумных мостовых лежит город пустых надежд, красочных витрин и холод стеклянных пустынь. В этом вальсе можно зажмуриться и пустить летать свою душу. В мерклом солнце луны падают в глубину черных небес колкие звезды. Их желта пыль осыпает нас золотым дождем, и я говорю: «Goodbye, goodbye milky way». Mission is over, mission is die...

Вновь расплодилось мотыльки и мошकारа. Горит в подворотне красным огнем магазинчик на углу и его холодный теплый свет так неестественно отражается в краске черных машин. Июль. Секс. Вибрирует телефон, плавно дрожа в моей руке. Толстые столбы света под никелированной сталью плывут в ночной тишине. Абонент недоступен. Он в ночной пустоте.

Дорожки закоулков и тупиков в переплетении проулков и мостовых. Каждый шорох слышен в седой тишине. Старый город и новый мегаполис в цветах сизо-карамельных мазетт. Шелк ночных аллей и ветер больших перемен. Все повторяется снова, теперь каждый миг, каждая персть, каждый шорох – отлив и прилив далекой луны. Так горячо и прохладно. Сквозит бриз. Звезды летят, опускаясь в бездну. Глубокий колодец бродит над городом из облаков. Его вращает и гонит ветер. Там, складывает песчаные ракушки и зыбь песков дитя, что радуется глазам, тысячи глаз, взирающих на него. Пустая колыбель облаков. История обычных людей в обычных городах, плети мигрирующих огней, несущихся вдаль по мостовых, капли дождя, песнь пустых аллей, городская суета, засыпающая в ритме маршрутного такси. Ночь. Время больших надежд. Грусть – пустая скорбь детей. Морозящий дождь – беспечная жизнь в сети неоновых теней. Аргон стремительных надземок. Пустые площади уснувших аллей. Звук частых авто. Гуляющие пары, подземка, метро.

Куда не глянь ветер и огни, витрины немых амрит, мир без людей, стекла высотных домов, стильная сталь хромированных перил. Мерно отсчитывающий секунды счетчик часов. В этом свете далеких и близких литот стираются всякие мысли, казусы и часы. Звезды падают в бушующую тишиною ночь. И быстро движущееся такси несет своих пассажиров, сквозь пустоту безлюдных дорог. Трасса, шоссе. Тиканье хронографа, мерно раскачивающегося на приборной доске. В жизни так мало радости. Дождь, оседающий на окнах авто. Пустой звук кочующей тишины. Раскачивающаяся колыбель в разворачивающейся пелене дорог. Откуда мы здесь? И куда направляемся. Быстрый холод, пробежавший по лицу и рукам. Перчатки. Кожа пустых фистул. Все наполняется снизу. Главное в том, что наполняется. Секс. Снова ночь. Город. Пустых дорог безмятежная сеть. Сеть снующих огней. Лабиринт безлюдных дорог. Усталый мальчик, перебирающий ракушки и персть песков. Большие надежды больших городов. Столбы света от никелированных столпов. Мягкий дым неона и сигарет. Льющийся свет. Душ после поездки и запах готовящейся пищи в соседнем окне. А я размешиваю кофе в стакане. Не бывает идеальных людей. Но так ли это в пьяно и соло пустых витрин. Звезды словно огни фонарей. Пар смешался с дымом.

Я снимаю очки. Ночь через них еще темней, чем кажется. И запах пустых аллей расцветает в воздухе, несет влагу и тепло этой. Они витают надо мной, как непойманные птицы, –

мысли пустых людей, в буйстве пустых ветвей. И я откупориваю бастардо. Я один из них. Пти вердо. И пряный запах мелиссы.

Пустая улица в пустых огнях. Звезды пустые светят – страх и совесть разбитых надежд. Каждый ищет то, что хочет. Каждый находит не то, что хотел. И в этой луне спрятались жертвы отрыв, обрушивших стены воздушных замков, похоронившие кровь чудес.

Этот город пустых людей наполняется... Вода бурлит. Облака плывут. Падают в бездну галактики. Эта ночь пустых этей, плавающих в колодце над городом, в колодцах дворов. Запах женских духов в этой прохладной теплоте. Мерно плывущий ритм в лоне больших городов. Плавный взмах ночных птиц. Плывущий в бездну шорох шин. Мы живем в точке пустых миров. Открыты все пути, и все шоссе ждут. Магистраль несет авто. Дома рушатся. Поезда сходят с путей. Пахнет пирог на столе. Откуда мы пришли? И куда мы идем? Бог – это маленькое существо, и оно везде. Что нам до него, большим неповоротливым мастодонтам. И я гоню все дурные мысли. Персик в стакане. На столе кахета в черничном соусе. Манго и маракуйя. Плод страсти, плод этей, как дно пустых миражей, наполняется колодец молоком. И в воздухе стоит запах чистоты. Свежесть. Июль.

Кто сказал, кто знает куда ведут все дороги? Пустой фужер наполняется изнутри, а не снаружи. Все дороги ведут. Все мечты бодрят. Все люди хотят. И если в этой ночи есть смысл, пусть она продолжается.

Каждый знает какой дорогой ему идти, каждый строит отрывы. В них пустота, которая дарит щедроты новых надежд. Новые люди. Новая честь. Новая совесть. И новые сети открытий. Радость пустых калдер, щедрость безлюдных мест, время открытых дорог, счастье пустых надежд.

Июль. Секс. Дорога, которая стремительно уводит вверх...

Drive, driven

Gave, given. Дробный дождь падает на стекло. Медленно движется авто, проплывают улицы. В тихом танце блестит кирпич мостовых. Запах дуста и старой кожи. Легкий привкус дюшеса. Сквозняк, заглядывающий в окно, несет холод и сырую морось. Влажный воздух, протискиваясь в щель, бодрит, бродя по салону. Остается на щеках влажной сыростью и пленкой холода. Слепо барахлит мотор, раскачивая кресла. Юркий шорох шепота, включает в тихий танец, медленно, плавно скользит на поворотах. Слышен ропот, двигатель дрожит. Осень, прохладой раскачивает листья в канавах и решетках стоков, дарит плен дождливых сейд. Плачет дождь, оседая на стеклах витрин и пустых мостовых.

Теплая ночь, по-осеннему мягкая в прохладе мокрого бриза, манит танцем больших городов. Огни порта у самых мачт вяло, глухо давят пустой воздух над пристанью. Колышется черный плес, упираясь волнами в киль. Рыжая провинциалка в рыжих клетках на черном пальто, трогает носик под фонарем. Дорога под склоном, круто уходит вверх у самого порта, утопает в темноте, расцветенной фарами шатающегося такси. Мягкое дрожь подается повороту. Что-то уходит, в этом движении вперед. Осень. Запах дождя и прелых листьев в парфюме духов. Медленно тают склоны. Что-то меняется. Но разве стоит задумываться что. Drive, driven. Gave, given.

Мелькает за окном дорога, проносятся в медленном танце клумбы и сливы, зеркало на повороте в муниципалитет. Запах прелых листьев становится необорим. Закрывая глаза, думаешь о дороге, пыльных мостовых и глубоком журчании воды. В лужах и растоках, в грязи мостовых и парков, тает ломкий свет, отражаются фары. Одиночество на мелькающих улицах как будто питает саму ее пустоту. Тишина, расплываясь по закоулкам, затопляет собой все, каждую щель в растресканной брусчатке, штукатурке домов и клумб. Ползает по фронтонам и ступеням театра. Он спрятался в глубине проулков, – старый и переживший тебя на добрый десяток лет. Если не больше. Кто знает.

Софоры висят, вяло опустив сосульки семян, и только пустой ветер редко трогает их. Все еще живые, одетые в шапки листья, акации сжимают зеленый тоннель улочек, нависая ветвями. Что-то меняется в этом вечном ритме эфемерных страстей, дорог, которая уводит вдаль сворачивается в кольцо. Что-то уходит, что-то остается по-прежнему. Здесь особенно это заметно. Старый город. В старых улочках.

– Сделаем еще круг.

Водитель молча, прибавляет газа, и я прошу его не торопить езду.

Пока мы едем, тоннель становится ясней, в его ветвях купаются листья, и я забываю зачем сюда возвращаюсь. Я возвращаюсь. Каждый раз, думая, о чем придется. В шапках листья утопает бледно-зеленый свет, кропит серую полосу дороги, вычерчивая острые тени. Тихо и покойно на улочках. Пустынно и серо. В бледном свете флуоресцента висит воздух, прозрачной шапкой дыша на меня, запотевают окна, и я провожу рукой. Старые улицы старого города полны ночью, ее прохладой и теплом. Раскачивается авто, приносит свежий ветер. Дождь почти прошел и только редкие ручьи по стеклам, говорят мне что все и вся здесь забывается. Здесь забываются. В канавах и на обочинах, слабо тянутся по вымокшей мостовой лужи. Сверкают под витринами и фонарями. *Silvery night. I stay, I prey. See you haven one day...*

Что-то всегда остается здесь со мной, что-то остается во мне, заставляет возвращаться. Старый город сулит загадки и тишину, глубина на этих улицах двадцать тысяч лье под водой. И пока, мы вновь делаем круг, я откупориваю вино. Шампанское бодрит, отступая под ветром сладкой нотой, щекочет небо и тянет на дно, в яму кожаных чехлов. Сладкий привкус летучих спиртов парит в сквозняке, льется внутрь салона. Плавают запахи кожи и старого города. В этом аромате сточных вод, повисает марево зеленых огней, не спеша убаюкивающих, тяну-

щих в ночь, пробегают тени сладкой луны, касаются крыш авто, – спящих, закрывших зеркала фар, подмигивающих стальными бликами в габаритах полусонных глаз. Сон здесь частый свидетель, и желанный гость. Играет в стекле луч освещенных дорог.

Плавно двигаясь, шуршат шинами встречные авто. На развилке перед небольшим пяточком зарытого в изменности депо, нам приходится притормозить. Желтый свет фар, мелькая, ползает по креслам и нашим лицам. Поездка закончена. Я здесь выхожу. Шампанское еще только бурлит в моей голове. Ленивая ночь плавает в шапках акаций и софор. И я не верю своей удаче. Ночное кафе. Раскинув свои объятия, оно словно ждет. Столики на воздухе под сорокалетней сливой, уже пустуют и это только начало ночи. Здесь все не так. Старый город.

Мелкие тени ветвей рисуют раешник на моем столе, и я допиваю вино. Что-то в этой тишине и море ночных огней есть. Они гонят ночной свет под луной и флуоресцентом на шапки акаций и слив. Старая софора здесь была всю мою юность, и пожалуй, будет еще чью-то жизнь. Падает звезда в темной бездне пустая пелена черной тафты на небе, и я остаюсь. Я все еще здесь.

Терпкий вкус хурмы в освежающей прохладе, лишь еще больше освежает. Аромат кофе и ленивые тени официантов ползут по асфальту и цоколю кафе. Странно. Еще немного и покажется, что оно вымерло. Но жизнь здесь не прекращается. Над старой сливой, меркло пуская лучи, зависла луна, обливая тенью массив на краю кафе. Старые дома. Низкие, трехэтажки. Что-то уходит. В этом танце лунных ночей, в прохладе осени, что-то пышет жизнью и пахнет хурмой. Что-то становится старым и ветхим, пахнет ветошью и дождем. Что-то становится моим. В этой прохладе все еще теплой ночи, что-то зовет и тешит меня. Я остаюсь. В этом мерцании габаритных огней и тишине фонарей, глухих улиц, в тенях оплетающей меня тишины, в мелко подрагивающем флуоресценте, зеленом свечении фонарей, шапках акаций и слезливо вальсирующих ручьев, мелко падающем дожде, накрапывающем под козырьками пустого кафе. Не задумываясь, не теша себя, не зная, что ждет впереди, не ведая радости и тоски. Не оставаясь, чтобы выяснить это, чтобы стать кем-то другим. Оставаясь, чтобы остаться. И только это важно. В этом пустом ропоте и тишине старых улиц, под сенью лунных огней, в раешнике пышных крон, зелень на голых ветвях дарит ночь уставших людей. Drive, driven. Gave, given. I can't myself await... Тихо журчит вода, падает вновь звезда. Что-то рождается. В этом вине плавают капли ночного неба, бегают огни в стекле. Плавно скользят капли на крышах авто. Бряцают собираемые ложки и чайный сервиз. Плавают в лужах фонари. Кажется, ночь зовет с собой. Но она зовет только, чтобы остаться. И я чувствую запах вина в терпком аромате листвы. Желтые бока хурмы мерцают в бликах. Не хватает лишь феи, трогательной кончиком волшебной палочки золото виноградной лозы. Я думаю, все это облака. Мы проезжали балку всего в нескольких метрах от улочки возле театра, и я думал, что все это, весь этот старый город, так распростерший объятия, ждет своих родных. Он просто встревожен и раздражен в преддровых схватках, рождая новые дома и пустые улицы, разбережен кирпичами мостовых и брусчатки, проулками и тупиками в чреве улиц.

Плутают одинокие тени. Кто-то потушил огарок. Полночь опустевших дорог давит пустынной тишью. Плавает в дыму слабый дух лозы. Прибывает авто, – разрезанная тутнь ночной мги лучами фар. Чертят небо над сливами ласточки. Тихо шепчет дождь. Легко касается крыш и козырьков кафе. В этом запустевшем депо, окруженном сливами, софорой и акациями, что-то медленно движется с тенью. Drive, driven. Gave, given. Все случается. Все приходит. Что-то меняется, что-то остается. Причудливая игра слов, имен и чисел, геометрия новых цифр, новых имен, старых улиц, ветхих домов. Правит ночью пустым депо. В этой тишине слышен стон шин, гомон пассажиров и скрип железнодорожных путей. В лунной тени падает капля за каплей в золотую лозу. Падает, чертя небосклон, звезда. Что-то остается в старом городе, здесь. В этом раешнике, тишине и чехарде огней: что-то притягивающее, манящее, прельщающее и таящее. Таинственное и глубокое. Блуждает по улицам, в пустых закоулках и людных

улочках, тупиках и узеньких мостовых, в лабиринте скользких проулков, в пустующем кафе. Я здесь. Но кажется, что меня нет. И я не думаю больше, не слежу за авто, не размышляю вслух, не пробую на вкус шардоне. Все это здесь, в старом городе, в этом депо и в старом кафе, я лишь растворяюсь, слушая тишину. Она вокруг. Во мне. И только слабый шорох шин, оставляет пару-тройку живых мыслей о завтрашнем дне. Но вскоре ночь оставит их позади. И старый город вновь будет жить медленным танцем в раешнике зеленых огней, мерцающих луж и шорохе шин, в акациях и шапках софоры, в вербах и сливах у дорог. Старая вишня, мерцающая корой в растресканном дупле, будет отбрасывать лунную тень. Шелестеть в шорохе шин, робко причаливающих авто. Жизнь здесь требует тишины. Она как воздух, необходима улицам здешних мест, чтобы жить. И я растворяюсь в ней, жду чего-то далекого, забытого, чего-то нового, еще не отгаданного и непостижимого, чего-то необузданного, теплого и тяжелого.

Старый город ждет вместе со мной. Пустой, раскрашенный тенью, зеленым огнем и безлюдным депо. Падают листья. Живет тоннель. В темноте гаснут огни. И снова несут меня прочь. В расцветенный витринами, суетливый и полный жизнью мир. Центр, – гулкий и людный, полный света и цветных реклам, падает на меня, и я думаю, что старый город остался со мной. В нем никогда не утихает ропот, текут мостовые и мерцает раешник дикой листвы. Он здесь, со мной, хоть и незаметен. Тут, хоть и далек. Со мной, хоть и остался в депо. Он во мне, хоть и полон тоски. Хмурый и тяжелый, липкий и сладкий от хурмы, напоенный виноградной лозой. С тутню и блеском луж, шапками акаций и диких софор. Только в пустых улицах и редком шорохе шин, но столь близкой мне тишине. В моей памяти, пустившей корни в покой. В сиянии фонарей. Пустом шорохе, затекающем в щербинки растресканных мостовых, забытых редутах и бастионе, в липкой роскоши улиц. В его дожде. И я пробую на вкус шумливое, снующее шоссе, покидая его. Думаю, о весне, пустых, ненужных делах и куче мелочей. Они преследуют меня, но сегодня они на миг отступили. Я был там, я помню. Субботний вечер и шепот огней все еще здесь. Он окутывает меня своим языком терпкой сладости, мягкой зелени и сочных крон. Сонливо. Я еду, раскачиваясь в креслах, чтобы снова вернуться домой, но они там, откуда я отбыл, там, откуда я уезжаю, – в этом пустом и тихом месте старого, мертвого города. В его мшистых аллеях и зеленых огнях.

Проплывают улицы, жеманно падает свет, в пустых кварталах плавают барабанивший дождь, и кажется, что в их глубине вновь слышен ропот уставших людей, старого Дна. И мне кажется, что я не покидал его, и никуда не уезжал. Я пью кофе. На лоджии плавают дым. Вдыхая отравленный воздух, гляжу на вымершую под утро улицу. В рядах авто мерцают светлячки противоугонных огней, холод блуждает по воздуху, заглядывая в мое окно. немеют пальцы. И я думаю, что остаюсь, а она... *sure is working for the KGB.*

Пустая тутнь в потемневшем окне напротив, в тихом шорохе и на плюсне мостовых. Темная мга никелированных фонарей, слепо мечущих пульс на кривые дорожки и деревца слив. Голые яблони и миндаль. Шоколад в ажур де крьюи. Грильяж на столе. Пустая гичь за окном, в глубокое дыхание ночи пульс трассирующего метро. В этих звуках тоже есть паутина ломких эвфем. Она не умирает в них. Она в них давно. Стелются облака на горизонте, горит в окнах свет. И только пустая зыбь листвы опускается в сон, как вновь брезжит рассвет. Мегаполис не спит. Он только делает вид.

И я пью золотое кофе, и смотрю на встающие с улиц сумерки. Старый город все еще жив. Он жил в сердцах людей очень долго, чтобы враз пропасть, погаснуть, как только забрезжит солнце.

Старый город. Он полон дорог.

Марта

Густые, рыжие волосы ее слегка вьются. Когда она, стоя над столом, пригибается, перебирая бланки и переворачивает листы, смотрит журналы, они закрывают уши, ложатся на плечи, занавешивают ее щёки.

В задумчивости она ожидает своего клиента. Когда он приходит, она вздрагивает, глядя ему в глаза, и расцветает, спархивает со стула и выпрямляется; соглашаясь со всем, кротко и тепло улыбается.

Ее лицо белое треугольное приобретает розоватый оттенок, и она оправляет халат. Ее монгольские глаза, – карие и блестящие, – немного слезятся. А щеки покрываются ямочками.

В ее имени нет ничего монгольского, но есть прибалтийский акцент. Она совсем не побита жизнью и в ней нет той покорности, которая присуща людям с такой же улыбкой и такой же привычкой.

Есть что-то другое. То чему я не нахожу слов, названия. То чего я давно так не видел и что я забыл.

Когда я сажусь на кресло и отдаю в ее руки свои волосы, то чувствую, как она дотрагивается своими маленькими, тонкими ладошками, обертывая шелестящей бумагой шею, касается моих ушей, волос, – они тяжелеют от воды и ложатся под ножницы, на расческу, скользят по накидке вниз.

Я закрываю глаза, чтобы уберечь их, но думаю совсем об ином. О чём-то беспредметном, бессвязном, большом, громадном. О том, что течёт, словно мыльная пена по моему затылку, вискам и шее. Будто бы вспоминая давным-давно забытое, то чего не было с мной уже много лет. Открываю глаза и вижу перед собой согнутые в локтях тонкие, белые руки. Марта ровняет чёлку. Её проворная соседка успевает за это время обслужить двух-трёх клиентов, три-четыре раза выдвинуть ящик стола и убрать туда ножницы, пересчитав деньги и проверив на всякий случай сумму. А для Марты не существует времени и ящика. Для неё существует что-то совершенно иное.

Воздух в парикмахерской сладковато-приторный, влажно-мокрый, пропитанный одеколоном.

Поёт радио. Левая рука Марты покоится на моем затылке, а в правой сонно урчит машинка. Подбирая остатки волос, она касается их тупой кромкой лезвий, оставляя по себе холодный... холодный шепот ножниц.

В зеркале отпечатывается тихая, гипнотическая улыбка. Немигающие глаза, – внимательные и устремленные, – следят за тонкими пальцами, старательно выискивая недостатки.

Марта стрижет с удовольствием, с необыкновенным старанием. Вне времени, вне минут. И это передается. Это заразительно. Слово ты уже почти вспомнил... Почти постиг то, как это называется...

Фен обдувает мне уши, и вы чувствуете тепло, которое отражается на вашем лице, когда вы встаете и протягиваете ей деньги, вам отчего-то совестно расплачиваться. И вы переплачиваете. Но от того еще совестней. И вы быстро суетливо собираетесь, берете куртку и закрываете кошелек, прячете его в карман.

И вам не приходит в голову совсем ничего, кроме спасибо. И ей наверняка тоже есть мало, что сказать...

И я говорю это, но на моем лице написана целая книга. Марта тихо прикрывает глаза ресницами.

Потом мне невообразимо трудно и совсем не хочется покидать этот, неудобный на первый взгляд, пустой салон, с зелеными папоротниками в дешевых пластиковых горшках и без вкуса обставленный зал. С голыми окнами, покрашенными в белый цвет, и линолеумными полами.

Но теперь он стал частью меня, частью того, что безвозвратно ушло, сгинуло, пропало вместе с зеркалом, от которого я отошел и с Мартой...

Но оно вернется. Я знаю...

Мне припоминается ее улыбающееся лицо, ее благодарный кивок и я плыву, раскачиваясь, словно на палубе, пьяным к выходу. Там меня встретит пустой и стремительный в своем соседском ритме чужой, вечно суетливый мир. В нем не будет места для Марты и для того, что я почти вспомнил, почти постиг, почти запомнил, что всплыло из моей памяти...

Но я знаю. Это будет снова. я снова приду. И снова ее увижу...

И я храню свое спасибо Марте как тайну. Несу его сквозь промозглые улицы, слепящее солнце и оглушительный рев моторов, сквозь сквозняки открытых форточек и толпы прохожих, лица подобные моему, соседские и добродушные, недовольные и мрачные, простуженные и чужие, – до того, как я почти вспомнил, почти познал, почти нашел в своей памяти эти моменты.

И я скажу его вновь, мое спасибо, собираясь и суетливо пряча деньги в карман, вставая из кресла, отходя от зеркала, скажу, когда приду сюда снова и уйду опять.

Этого мало. Этого очень мало.

Но... это все, что у меня есть.

И будет всегда... для Марты. И для таких, как она. Для простых, заставивших меня почти вспомнить моментов, для чего-то обыкновенного, обычного, что я забыл. Но я вспомню, я знаю. Снова. И снова скажу... спасибо.

В инфраструктуре, вечном потоке спешащей изменяющей, трансформирующейся и деформирующейся жизни, вечном танце больших городов. Забывающих о нечто простом и нечто живом, нечто большем, чем грязь и неурядицы, обиды и профанация, желчь и холод пустых дорог, улиц и лед разбитых сердец, нечто большем, чем пустые заботы постылых дел, нечто большее, чем спасибо.

В Кайфе

Легкий джаз так несвойственный и чертовски расходящийся ладами с культурой востока, которую можно видеть на каждом шагу Пекина и Гонконга, свойственен только европейцу. Большой зал Ритз, пьяня чуждой и суровой небрежностью вылизанных до блеска витрин, холодно посматривает на одинокие столики, где он и она обсуждают что-то свое, – маленькое, мелочное, незначительное. Огромные залы давят засидевшихся, пришедших и оставивших свои галстуки в номерах, выхолощенностью и живой толпой. Она где-то там, вдали, не приближаясь к стойкам и буфетам, душит своей вечной прозорливостью, жаждой жизни. Но здесь внутри лобби это не ощущается. И только плаксивый блюз тромбона и фуги, завораживает пустой, разбитой тоской. Ничего не меняется.

В этот раз, она в цветном годе и лишь что-то давно ушедшее, печаль изгоя в куба либре, вечная грусть на кишасих людных улочках кантонов за стеклами дарит вчерашние сны о многом.

Что-то меняется, но не все так скоро. В бывшей роли гейши, исправно молчаливой и немо подающей чай, просыпается страсть гречанки. И хоть она европейка, в каждом жесте и каждом слове скользит пыл данайки. Странно, что она в цветастом платье держит за ножку бокал с мате. Странно видеть ее здесь, в этой сверкающей, бесстыжей роскоши циничной Кайфы. И было бы странно слышать от нее раскрепощенные речи о Киото. Здесь в Кайфе, город спешит и купается в ночном танце. Тысячи светлячков и бордов ночного неона, заполняют собой все вокруг. И она, странно молчаливая, разбавляет джаз этой ночи, своими улыбками. Время от времени добавляя в разбавленное брюзжание товаров и торговков, немного праздника. Холодка в ночное небо Гонконга. И теплой тоски в ветреное сенрё палаток. Есть много вещей, в которых она не видит смысла, много слов, которые в ней не находят выхода, и лишь только пустая выхолощенная улица, полная сиюминутной суеты, мелочности и сырой трески, пытаясь оставить свой след, вызывает ее звонкий смех. Она смеется и тогда, когда я пробую клубнику с грязных, кучащихся лотков Кайфы. Ее нельзя есть, нельзя продавать и нельзя покупать. Но в этом есть что-то дико сомнительное и рискованное, от чего я не могу отказаться. И чтобы не уступать здравому смыслу, в ней просыпается азарт. Она пробует ее вместе со мной.

Дикая клубника, в диком кантоне. Вся наша жизнь, всего лишь покупка. В рассрочку или в кредит. Мы смотрим по пути в отель, как плескается в канавах рыба, и покидаем улицы в наваливающемся гомоне толпы.

Когда бы не случился серьезный разговор, она лишь улыбается и сводит его на нет. Невпопад, но так мило, что забываешь о том, что ждет тебя послезавтра за стенами Ритз.

Длинный, томный джаз не оставляет покоя в нем. Плавают ваниль и кофе в распаренном, душном номере. После прохладных улиц Кайфы, ее цветастый слив, приоткрывает для меня пролог в новую Эгею, новые горизонты и новый Антиох. Кайфа так серьезна этим утром, в еще не закончившейся ночи, столь угрюма. Пики и борозды мегаполиса за стеклом густых сумерек, стелются у подножий небоскребов.

Странно и одиозно твое спокойствие. Она не зовет, не требует, в ее глазах остыла забытая логика снов. Не мила усталая музыка лавок и лотков. Клубника, что мы пробовали в Чахе за углом. Что-то далекое и безразличное в ее взгляде, что-то растраченное попусту. И я опускаю гобой.

Она не смотрит, не слушает музыки. Лишней и неловкой в этом застывшем мгновении. Праздник пустых, остывших улиц и чехарда быстро. Быстрый гомон дорог, плен витрин. Кайфа так же грустна, как если бы ей завтра улетать в Мадрид. И только капли росы, собирающиеся за окном, свидетели длинной ночи, ее обнаженных ног, в разрезе юбки на годе-пекин. Странная улыбка, в номере, где все еще слышен блюз камерных голосов. В этом зале с высокими

потолками и льдом в ведерках с гвинейским вином, становится душно и не по себе. Но эта ночь все исправит. Она исправляет всех. Однажды, когда-то, кто остерегался, кто не доверял, кто отказывался.

Сплетение тел, сплетение рук, промозглый дождь и ветер, тепло горнил, ласка муслиновых покрывал. Песочный свет ламп. Я все еще здесь. В Кайфе. Она так холодна и тревожна. Чайка на небосклоне. Белый запах солнца. Сияние над Микках. Сверкающее золото и стекло, кожа дубовых кресел на сто восемнадцатом этаже. В моем сейфе пусто, и это не так печалит.

Меня и раньше бросали. Но никогда, как сейчас. В моих мыслях пустая отравка. В бутле завернутый в холщу магнум. Я не распаковал его. Он все еще там.

Что ты наделала Салли.

Мои мысли, варятся в густом соку исчезнувших буден, падают на землю, как мертвые птицы. Клубника горит на краю пропасти. Она сладкая и сочная. Он берет и ест ее...

В Хуавей и Глоболе в Тайване меня ждет такой же холодный прием. Никто не поручится теперь за мою жизнь. Сотни обманутых кредиторов ждут своей выгоды, и только пустой, открытый сейф на сто восемнадцатом этаже в Ритц говорит мне, что за мной скоро придут.

Когда наступает этот момент, ты ни о чем не думаешь больше. Ты просто бежишь. Всем, кто на твоём пути конец. Нет больше друзей, ни прохожих. Каждый знает тебя в лицо и каждый требует свою долю. А как приятно начинался этот танец с ветром в семи платках, каким жарким был чай в Сёго.

Как странно, что Кайфа принимает меня теперь. Без дома и кровя, без шелковых салфеток и дорогого костюма от Hímark. За мной идут, и я не знаю, что будет уже сейчас. В этой капсуле на тридцать втором этаже в Шенжен, мой матевер греет меня, принося с собой холод, – он струится по моим рукам, а за окном падают капли. Дождь в Киото. Наверно идет дождь. Я думаю о тебе все чаще. О твоих неловких улыбках и помаде, нерасторопных ответах и свежей клубнике в Кайфе. Она красная и спелая. Сок течет по рукам. Твое лицо в искрах гацура, свет в глазах. Неоновый дым Шенжен за минуту до проливного дождя. За мной идут, Салли, и я не знаю, что у них на уме. Я здесь в безопасности. Пока. До тех пор, пока они не поймут куда подевалась карта памяти. Если бы ты взяла только деньги. Салли...

Пустые разговоры и блюз дорог. В этом месте без дна, полно отчаяния и страха. Улицы Кайфы стали для меня пустыней. И только мой матевер согревает мои пальцы в складках брезента.

Мои мысли, путаясь, падают на землю, как мертвые птицы. Если бы только не этот чай в Шенжен, с которого все началось...

Пустая трата времени. Пустой мир, – в этом большом городе некуда бежать и негде скрыться. Я думаю о тебе все чаще. Салли...

Пустой матевер. Я набираю пули. Ты неправа, Салли. Но в этой прогулке по Кайфе и твоём скромном платье, цветастом годе и цветном сливе для меня не осталось злости. Только пустыня. И птицы. Они бьются о камень и валуны на пляжах. Звучит утро. Поднимается солнце. Белые облака. Я поживу. Поживу еще малость. Ведь только все начинается...

Я только взял кредит.

Когда приходит весна

Слабый стук колес, шорох состава. В этой прохладе замерзают руки и отваливается нос. Ветер дует наискось и его шквал время от времени срывает желтые листья слив. Яблони стоят словно мертвый частокол, – кривые и сгорбленные. Белый свет фонарей меркнет под наваливающейся слюдой пустой, безлюдной ночи. В этом покрывале так легко закутаться и исчезнуть. Но я иду, и тротуар, – серый от мги фонарей, бело-серый, – проплывает мимо, как скатерть, на которой всегда царит пустота. Еще не лето, но уже не зима.

Плавный шелест шин, одиноко плывущего авто. Куда оно направляется и зачем оставилась на пару минут? На этой пустой улице, в бело-сером свете на бело-серой простыне асфальта катятся листья. Кто-то курит в окно, сетуя на холод и стужу. Кто-то уронил одинокий окурок. В этом покрывале серо-белой простыни жеманно тешится свет, плавают сухие листья. Этот город, город иллюзий. По дороге из колыбели снов в твердый битум глужда, его обитатели растеряли все мечты. Их было великое множество, и великое множество обид, горя, зависти останется тут. На млечном полотне асфальта, плещущемся в молоке фосфоресцирующих фонарей, – тоскливо, жеманно льющих свет на пустой разор вычищенной от сухой листвы железобетонной полосы. Рифы домов, словно холодные, пустые мешки, голыми стенами давят монолит дорог. В этом городе, на этой пустой улице нет ничего необычного. Холод и стынь, блажь и шепот слив, голод и степь дорог. В пустой пачке валяется пять сигарет. Они как гвозди, заколачиваемые в гроб, но я потрачу свое здоровье и снова куплю еще. Одна за одной плывет в дыме простуженных мостовых. И только пустой серый ветер, знает отчего так тепл кедр. Я кладу его в кофе. Пар обдаёт лицо, а запах обещает бессонный вечер. Бессонное утро проходит. Светит яркое солнце. Его жар опалаяюще-бодр. Его щупальца ходят по комнате, отражаясь и плавая в пылинках в проеме двери. Простое чудо, простого дня. Если бы только он знал бессонную ночь и терпкий вкус кофе.

Эта встреча с тобой. И этот город...

Плывущий в ритме танго, плавно огибая острые углы и осторожно, боязливо сторонящийся темных аллей. В нем можно утонуть по ночной поре, но свет мигающих фонарей и стеклянная зыбь, стелющаяся по пустым мостовым не оставят здесь одиноким. Никого нет. И все же ты замечен.

Арабика хороша лишь под коньяк, а пару ложек нагоняет сон. И я пью его, – черный, неразбавленный. А сигаретный дым в окне струится словно деготь, теплая вакса, растворяющаяся в темноте; и быстрый мимолетный взгляд на ветер, остывает в тутне облаков. Он как бездомный тундец, которого никто не ждет. Но он вернулся.

И я ловлю его пустой холодный поцелуй, чтобы ответить тем же. И грусть в расшевелившемся тумане над алым заревом пятиэтажек, струится в чистом, гулком небе. Оно вымыто и грязно-хмуро. Только быстрый лепет крыльев и засохших листьев падает на мостовую. Словно старый друг, уставший от забот. Приседает ворон. Краски акварель в текущем воздухе. Туман. И сон. Сонливая погода. Холод. Быстрый хлопот крыльев. Звенящее небо над алым заревом. Стеклопанные фонари, никелированный свет, брыдло пахнувший в сумерках. Старый звук, напоминающий хруст веника. Шатается по небу ветер, подметает ветви. Рубленные яблони, стоят как сироты. Нагой асфальт. Дни плывут. Вдалеке их неслышный топот. И за глухой, невытой ночью приходит завтрашний немой восход.

Все еще серо и закрыты окна. В скупом пространстве этого балкона простывший вечер уступает ночи, а ночью брызжет серый сумрак утра. Только чтобы было понятно, вот только чтобы не осталось никаких сомнений, что такое грусть или печаль. В ней все седое и пустельга пустая, стеклянный ропот фонарей и серо-белый блеск асфальта. Ночь шумит. Листва трепещет. Гингко растёт. Поезда сходят с путей, дома рушатся, люди горят, но если ты настоящий,

разрушить, сжечь и свести тебя с пути сложней. Пусть, как однажды, ты проснулся и понял, что миром правит что-то иное, чем любовь, ты встанешь завтра и скажешь: «Дома горят, поезда сходят с путей, надежды рушатся, но единственное, что навсегда – моя неунывающая совесть. И в ней затерялось место для подсказок в какой дом идти, каким поездом ехать, какие надежды верней. Время – единственное, что стоит совести». И только так, она может стать тем, во что оно ее превратило.

Пустая совесть – на совести времени. Пустые камни не говорят. Слепцы умирают во тьме. И только то настоящее, что живет во мне. Все остальное мертво. Это и есть печаль. Но не печаль по скорому, настоящему или будущему, а печаль по весне.

Она скоро придет. Так же придет и следующая.

Backing home

Мыслями я все еще в Кагосима-сити. Порою в Мобиле на разгрузке. Не знаю даже, чем запомнился мне этот день. Шел дождь. По-весеннему мелкий и непродолжительный. Блестели крышки трюма. На пристани припарковался шевроле с открытым верхом. Из него била бешеная музыка и были слышны ликующие крики возбужденных пассажиров. Казалось им весело. Все это оживляло пасмурную картину и шумный шорох дождя.

Порою я ухожу мыслями в Бремен. Эмоции еще не перегорели. Мои нервные клетки все еще разговаривают со мной вспышками ярких воспоминаний. Но я возвращаюсь все больше и больше в душную тихую комнату, впитывающую покрытыми дешевыми обоями городской шум и редкие к вечеру отголоски Кагосима-сити. В лоджию, на самом краю полусна и дремы, в жаркий полдень Неаполя, с раскрытыми окнами, у подножия Сакурадзима. Пишу несколько строк и впадаю в безбрежное восхищение мелкими и несущественными деталями, местами, в которых мне довелось побывать.

Кагосима-сити стирается понемногу из моей памяти, и я устраиваюсь на диванчике в прокуренном кубрике. Жду причала. Через две недели я окажусь в пределах Китая и вылечу первым же рейсом в какой-нибудь городок ближе к Амстердаму. Потом сяду в поезд и направлюсь к себе домой.

Поездки на автобусе, как и на мото почему-то не входят больше в мои расписания. Я устал и напряженно слежу за линией экватора. В Норфолке я познакомился с одним байкером. Он сказал, что отправляется в рай. Не знаю, что он имел в виду, но может быть, когда зеркало мне скажет, что туда отправляются все, кто позади него, я встречу его снова и спрошу, где это место.

Лайнер останавливается в одном из городков Кореи и там курсирует по берегам Синейджу. Пхенан-Пукто и Чагандо особенно живописны. Но в этом пустом безделье, я лишь сторонний наблюдатель и мне видны их огни. Огни больших городов в черной ночи обычно так манят своим теплом.

Я стою у борта, возле надстройки и жду очередных сверкающих ярче звезд над полотнами мегаполиса.

Задумываюсь о беспредметных, текущих, словно морская пена, ударяющая в борт судна, незначимых и неважных, мелких делах. Они скрадывают мои мысли о возвращении тех, которые мне приятны и дороги. В один момент забывая о Кагосима-сити и его прошлом в нем, будто окунаюсь в мирно колышущиеся волны Западного залива, меряю его бурлящие воды взглядом, в котором полно застарелой грусти и меланхолии.

Я окунаюсь во тьму, приятную свежим ветром и легкой прохладой, чувствуя, что она целует меня в лодыжки. Словно Дьявол, шепчет мне лесть и фанфары, заставляя меня парить на носу карго. Я соглашаюсь, немного поколебавшись и забываю, что было со мной дурного и скверного. Все, что будет. Я все еще в Мобиле. Подставляю лицо порывам теплого ветра, понимая, что впервые узнаю на себе, что такое мистраль. Настоящий, упругий, с прохладой в теплых струях. Его порывы бодрят и радуют прохладой. Свободой. Я ухожу в каюту и на завтра снова встаю поздно, выхожу на палубу, закрывая за собой тяжелую дверь.

Смотрю на прибрежные звезды и не поднимаюсь к собравшимся на вечное празднование мелких забот огромной толпе, туристам в кают-компаниях и на деке. Фотографирующих и гомонящих до поздней ночи. Оставляющих по себе обертки мороженого и бутылки, плавающие на дне выглаженной до блеска мостовой. Пирс обливается мягким скользким светом. Влажно. Мне совсем не о чем писать. И я курю одну за одной, дожидаясь шумного гвалта спускающихся по трапу и возвращающихся с пирса гурьбы, празднующих и празднующихся

зевак. Не обращая внимания на кружащуюся мишуру прохожих и суетливость набережной службы, ищу глазами порт. А в нем огни.

Я помню это отчетливо. Кажется, будто в тумане, прохожу контроль пограничной службы и сажусь в самолет. Рейс довезет меня в прилежащие города Одессы, но я не запомню его и не уверен вполне, что если бы он направлялся в Будапешт, я бы как-то очнулся и удивился тому.

Все стремительно меняется, и я теряюсь в часовых поясах. Я уже отлично выпался и вошел напрямиком в Хельсинки-Киев-Рига-София-Вильнюс, а мой пояс все еще топчется на час раньше в Амстердам-Берлин.

Рядом со мною садится растрепанная блондинка, – по последней моде. Вероятно, она за собой следит. Это видно от лоснящегося маникюра до подобранного жакета в тон помаде и шарфику. Пудреница в ее руках отражает толкущихся за нашими спинами неугомонных пассажиров и на меня смотрит из зеркальца Дэвид Кристофер Блэк, вопрошая: «не научились ли вы, уважаемый, читать между строк? Блюз Нарита. А как насчет „Юз“? Шикарнейший скрипичный ключ от Pink для всего малого и большего бизнеса. Детей и промокшей тоски в Кагосима».

Нет. Мне как-то все больше по душе конкретность и детерминизм. Написано Блюз, значит в нем есть Кагосима, но нет никаких скрипичных ключей.

Я обещал безмолвную речку, бесшумно и немо влекущую из уютной гостиной на улицы дождливых ночей, но от меня этого не дождетесь. Думаю, если бы я оставил пустой лист под заголовком в мотеле, он окрасился бы в цвет вечерней зари, а монохромный свет фонарей и ламп в мотеле, подвинул бы ноты чуть ближе к сердцу. Но кто знает, почему он остался пуст. Я был рад услышать его музыку по-новому и напиться этой сладкой ночью. Мед в Техасе и пшеница бьют в радужку светлым полднем, и я разбираю подарки лета. Оно оставило во мне лучи солнца, пончики в столовой и деревянные брусья придорожной закуской.

Если кто-то нашел зажигалку с хромированным орлом по New King Roads, знайте, я оставил ее от сердца.

Нет. Мне не кажется, будто я разговариваю с вами на суахили. И мне нет дела до сумасбродной табиты. В противном случае, я бы разговаривал с вами как с Рианной:

– Поддай моя камень, – говорит неандерталец.

Жена, подбоченившись скалкой, иронизирует:

– Зачем? Бить камнем башка неприятелей будешь?

– Нет. Буду бить башка камнем. Плохо думать... Зачем ты выкинуть камень, дура!

– В реке много рыба, – отвечает ему жена.

И это как что-то необъяснимое, но повторяющее одну и ту же истину: когда кто-нибудь заламывает руки и бьется головой о стену, нужно подать ему импульс, чтобы он бился сильнее.

Crash, Boom, Bang раскачивается в моих наушниках, и я пою вместе с нею. Совсем как в магнитных динамиках прошлых столетий, разрешает мне впадать в меланхолию усталых романтиков и пустынных улиц, выдирая из нее цепким альтом Sam Brown.

Слушая минорную тишину, сопутствующую моему рейсу, я замечаю, как продолжает прихорашиваться блондинка. Она спрашивала меня уже несколько раз, читаю ли я Вольк и как мне этот новый рассказ «Мой нежный...» кто-то там. Не люблю огорчать дам, а потому отвечал, что Вольк, само собой, лучше Бельк и знает, что нужно публике.

Мне противны ее огромные количества тонального крема и перекрашенные волосы. Но это наверно откуда-то из 80х. Нервное прислушивание к ее чуткой натуре, заглушают тонкие мотивы guitar, flute & string. И я включаю Moby по-громче. Откидываю голову на спинку кресла.

Мне кажется, что ее можно понять. Довольно странно видеть не лишённого фигуры, в синей обтягивающей футболке и не самой дешевой марки часами, роющегося в записном

блокноте, черкающего там каракули и сосредоточенно игнорирующего стюардесс брюнета. В его Orient отражаются ее помада и блеск люмин, складываясь в причудливый блеск. Ему совсем без надобности ее внимание, но она отчего-то решила воспользоваться тем на все сто процентов.

Мне немного печально скрывать от нее мнение относительно ее эрудированности в ситуации сложившихся на мировых рынках и бирже сиюминутных новостей, что я думаю о CNN и шатенах в синих футболках с часами Orient.

Наконец она успокаивается, видя мое безразличие и, в конце концов, я оказываюсь во власти Burning Red. Оно опоясывает каждое мое чувство, каждое движение в нем, тешится игрой равнодушия и тянет меня назад в этих мягких, воздушных креслах к истокам моего прошлого, – самого дальнего, самого далекого, начинающегося где-то глухими нотами форте-и-пьяно-. словно мелодия, прерванная телефонным звонком, – разбитая и дребезжащая, навевающая тоску и амсляв, увлекая за собой перетягивающим неровным звуком.

Раздается дребезжащий голос стюардессы, и я оцениваю мою соседку. Тихо, украдкой, через ее вновь откиннутое зеркальце из пудреницы достаю из своего эго и памяти теплоту и приют 80х, где каждый помнит блондинок и химию курчавых волос аля джанк ярд.

Я не очень-то большой джентльмен. И вдобавок прост. Обращаю внимание если не на лицо и фигуру, то хотя бы на шарм.

Он есть, но она худа как недокормленная корова. При ее малом росте, это было бы мыслимо отнести к достоинствам. Но я в этом немного не смыслю. И тем не менее кладу глаз на ярко-красные губы. Такой она очевидно видела одну из актрис в чертовски старом, но еще не отошедшем в анналы преданий блокбастере.

Мне импонирует Вольк. Хотя я читал ее немного, но у нее есть очарование. И мне не до конца понятно, что не дает мне заговорить вновь.

Прихожу в себя одним толчком, словно от глубоко сна, в котором я забылся от самого авиапорта: шатаюсь по терминалу, следуя к кассе, наблюдая холодные металл и покрашенные стены, бредущих на меня людей, – уставших и подобно мне балансирующих в полудреме, на грани яви и сна.

Открываю глаза и слышу тихий гул двигателей. Очень медленный, растягивающий звук лопастей, копотливый, шуршащий в глубине салона, растворяюсь в темноте неба. За окнами лайнера оно затянуто плывущими облаками. В привычном танце больших ватных клубков, кажется, что все необычно. Ветер за окном еще крепче, чем был. Визжание приглушенной гитары в моих наушниках окончательно вырывает меня из ритма сонной печали, и я стираю подборку в моей К-плейере. Не знаю, как это объяснить. Может быть: пропади оно к черту, все, что не котируется нынешним миром. Пропади к черту талант и дарования. В этом мире, все время недобирающем капли разума и скоростных хайвеев, нет ни на йоту, ни грамма радости. Победы, разочарования, безразличие, как к этой блондинке и теплый джанк ярд восьмидесятых.

Я останавливаюсь, на кнопке удалить, и гляжу в окно, чувствуя, как соприкасаются шасси с землей. Смотрю в монитор черного Ericson, все еще подключенного гарнитурой к слоту наушников, и отчего-то мне жаль наброски, и зарисовки, в которых нет ни грамма надобности. В них нет ничего необычного. Много того, что не понравится, пустых слов и лишних эмоций, но они отчего-то прочно сцепились с моими, и не желают со мной расставаться.

Я подчеркиваю их и затушевываю. Заштриховываю ненужное и наносное. Убираю лишнее, водржаю на пьедестал гармонию и невесомость: «Небо порта, словно звезды в июльскую ночь. Небо Манчжурии, где старый Хоу, говорит мне на языке мертвых. Туман стелется по дороге и клубится вдоль промышленных заводов, построек и электропроводки в огнях и невысоких башен...». Тогда я захлопну дневник и наступит...

«Varum», «Crash, Boom, Bang», Fort Minor, «Nash», «guitar, flute & string».

Я убираю их из музыкальной подборки и растворяюсь в небытие плавающих в танце радиоволн и мелодий. Встаю и иду на выход за кудрявым в мелкий бес на переливающейся маслянистой шапкой черных помазанных будто бриолином волос серьезного на вид низкорослого араба. Или пуэрториканца.

Невозможно определить, но мне казалось будто я видел его крупный нос и черные, как маслины глаза. Метис пододвигает меня, и я извиняюсь, что не наступил ему на ногу, но он, очевидно, занят более серьезными делами, чтобы выслушивать меня.

Стюардесса провожает всех без перебора дежурной улыбкой, на которой, впрочем, возможно прочесть облегчение и счастье от состоявшегося полета.

У меня совсем на редкость несвойственное настроение, когда нет желания кого-то подбадривать португальскими шутками и подбадриваться от того самому. Единственное, чего я хочу, это чтобы меня оставили в покое как ту стюардессу на трапике и записали в мою послужную книжку: «добрался по воздуху, стало быть, не тюфяк».

От посадочной площадки до терминала меня провожает раздвижной рукав, и я попадаю напрямик в зал ожидания, где такие же белые полы и стеклянные двери, как и в терминалах и порту Антверпена.

Усаживаться мне не хочется, за багажом идти тоже. И я шатаюсь, время от времени ища туалет, в котором нельзя курить. Отыскиваю его, спросив служащего и пройдя несколько метров назад к входной точке терминала, открываю дверь и принимаюсь курить. Никого нет, некому меня судить.

В этом свободном и просторном помещении гуляет сквозняк, и я набираю новую подборку на телефоне. Стираю ее, после прослушивания. Улыбаюсь себе в зеркало, докуривая вторую, – мой шедевр был, впрочем, был не так уж плох. Диджей из меня получился бы тоже хороший. Но это не какое-то попустительство и не бездумное расставание со всем, что подворачивается под руку. Мне хочется думать, что это что-то иное. Но я не знаю, что. Быть может какая-то тоска. Или амсляв, граничащий с неизбывностью, промелькнувший, словно вспышка молнии в разряженных облаках. Какая-то грусть, накотившаяся, навалившаяся словно камень на голову. Что-то тяжелое на плечах. Что-то, что накатывает исподволь на любого, когда-нибудь, без видимой причины, без смысла и без повода, а оттого еще более скверное. Словно обычный пасмурный день, с еще не развидненными облаками, серым небом и хмурой тоской. Ветром, что гуляет в дудках хромированных мостовых. Горько-терпкий запах гаванны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.